

254.2
Л 65
19332

Ольга Лихачева

СИНЕОЗЕРСКИЕ СКАЗАНИЯ

4.2
65
332

СТАРИННЫЙ ДЕДУШКА И ГОРОДСКИЕ ДЕТИ

Случилось так, что Лену и Андрея привезли отдыхать в глухую деревню, которая стояла на берегу глубокого озера, окруженного густым лесом. В этом лесу росли елки и березы, и было много грибов и ягод.

Лена и Андрей, сестра и брат, жили в большом городе, и в деревне им все казалось чудесным и необыкновенным.

От радости Андрей все время скакал и крутился.

— Как здесь хорошо! Да, да, да-да-да! Хочу на озеро — можно! Хочу в лес — идите! Лена, пойдём в лес!

Сестра была на год старше Андрюши и чувствовала себя очень взрослой. Девочке в лес не хотелось. Она наметила прополоть свою грядку с морковкой, побыть возле мамы, которая возилась с обедом, огородом, стиркой, уборкой, но братец пригрозил, что пойдет один, а этого Лена допустить не могла.

Лес начинался сразу за огородом. Едва заметная тропинка вела в неведомый мир. Лена заволновалась — такие большие деревья обступили их... и такая тишина...

– Андрюша, далеко не пойдём и с тропинки не сойдём.

– Мы пойдём, пойдём, пойдём, пока чернику не найдём, а как найдём, то с тропинки сойдём и будем собирать.

Лена согласилась. Она подумала: «Мама покупает чернику у соседки, а мы соберём сами. Вот она обрадуется!»

Шли, шли, устали, а черника куда-то подевалась: ни ягодки, ни кустика. Зато набрали на родничок, попили вкусной водички. Сели отдохнуть на старую вывернутую с корнем березу и загрустили — ничего не нашли, придется с пустыми корзинками возвращаться!

Вот тут-то он и появился. Видят ребятки — дед перед ними. Ох, и чудной, будто с картинки из сказки: лапти и одежда не такая, как сейчас носят. Весь седой, и борода до пояса. Так они удивились, что поздороваться забыли, сидят, глазами хлопают. А дед им обрадовался, и сам заговорил:

– Милости просим, гости дорогие! Вот радость-то — забрели к деду Ивану

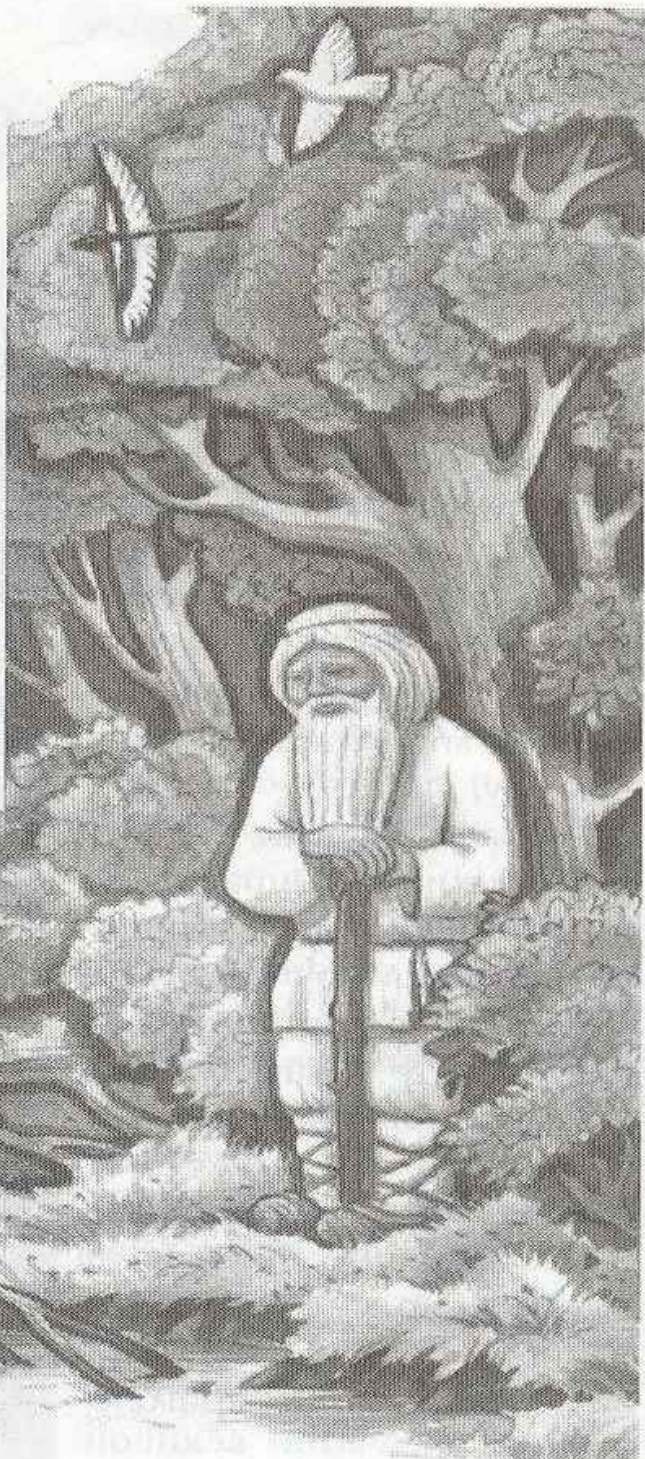

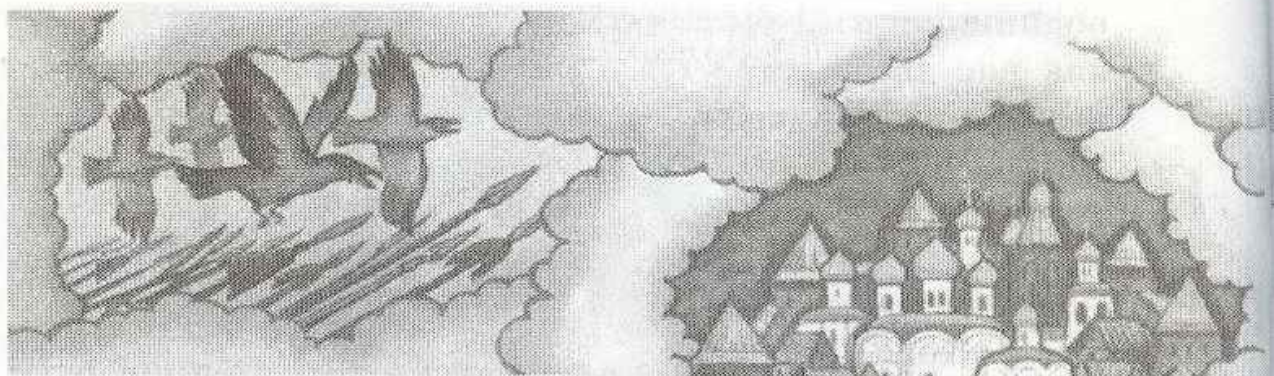
водицы испить! А как вас звать-величать, отрочата молодые?

— Я Лена, а это мой брат Андрей. А вы здесь живете, дедушка?

— Да, тут недалеко избушка моя. А вы вроде не здешние, я вас раньше не видел.

— А мы в городе живем, а сюда на лето приехали.

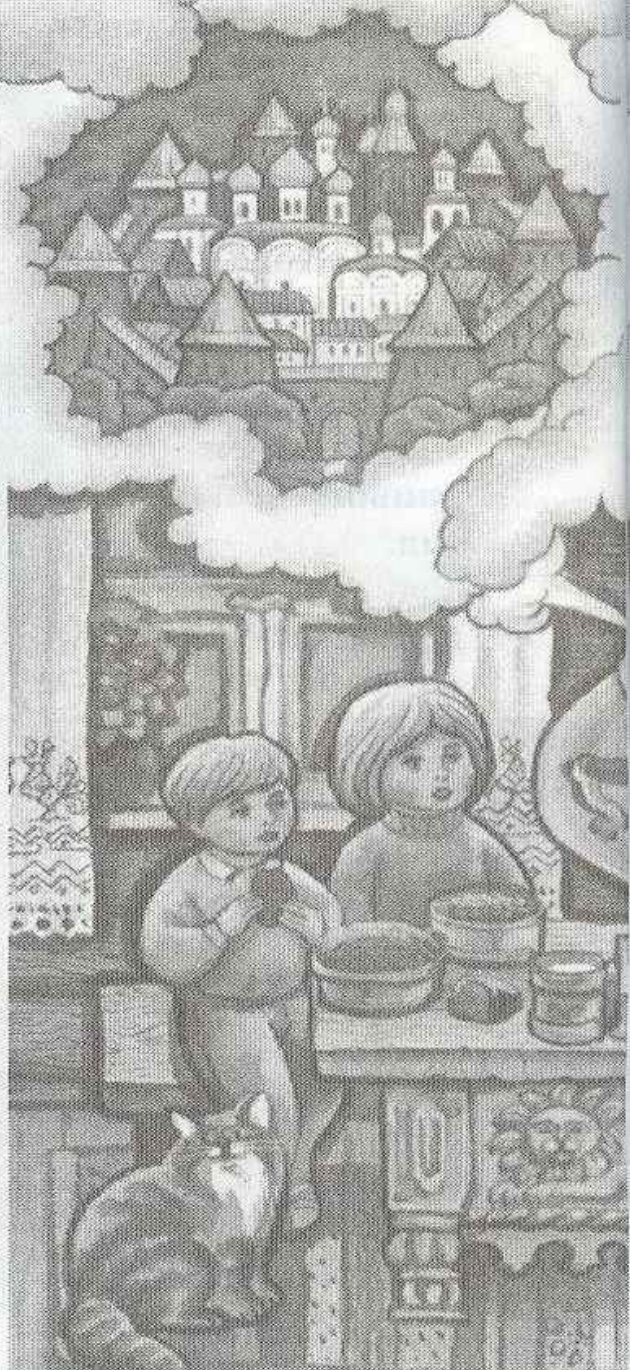

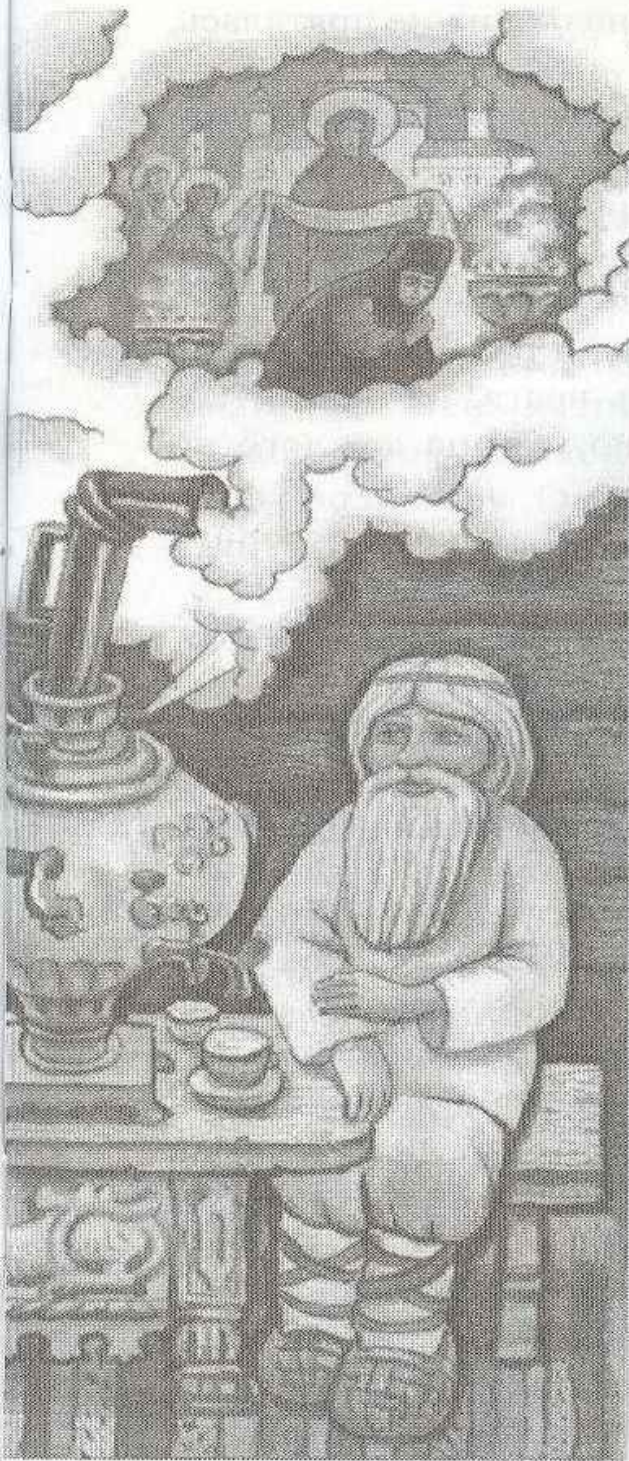

А ты, дед Иван, не знаешь, где черника растет, а то вот с пустыми корзинками не хочется маме показываться?— с надеждой спросил Андрюша.

Дед кивнул и через несколько минут привел их на поляну, черную от ягод. Дети завизжали от радости и бросились собирать чернику. Дедушка свистнул, и к нему на плечо села птица. Будто что-то пошептал он ей, какое-то задание дал, а деткам и говорит:

— Большой это труд, детушки, ваши короба наполнить. Оставьте их пока на поляне и ко мне пожалуйста подкрепиться. Давно уж по лесу бродите, чай проголодались...

Пока дети хрустели свежей редиской, зеленым луком и заедали все это черным хлебом, дед сел вырезать деревянную ложку и завел длинный сказ про местное озеро:

«Случилось то во времена тяжкие: Русь под татарами стенала и гнулась. И вот собрались золотых и серебряных дел мастера, ушли в глухие места, город возвели и жили там тихо, мирно. В храмах служба шла, и молился народ, и монастырь женский образовали Рождества Богородицы. И была там игуменья, ох, непростая женщина, молитвенница глубокая. Любовь переполняла мать Анастасию,

люди к ней так и льнули, и она от них не пряталась, чем могла, помогала.

И все же прознали татары про тот город, Синьгород, как жители звали его. Разгорелись на богатства баснословные, нашли проводника и пошли ратью несметною город завоевывать.

Было однажды матушке-игуменье видение, как ползут на них татары алчные, и собрались в поход все мужи взрослые отразить врага, не впустить в город. Да полегли все в бою, как на каждого по полсотни татар пришлось.

Один молодец, весь израненный, коня повернул и домой поскакал.

— Спасайтесь, жены и дети, все отцы и братья убиты. Завтра-послезавтра враг здесь будет.

Сказал и от ран помер. Собрались бедные женщины на площади, детей к себе прижимают, режут в три ручья и вдруг видят: идет к ним мать Анастасия и такое слово держит:

— Дорогие мои и любимые сестрицы и детки, беда пришла неминуемая, но Бог милостив и спасение приготовил. Послала я за дедом Иваном, выведет он вас тайными тропами в ближний город, там и затеряетесь. Возьмите деньги, драгоценности, еду на дорогу и с бедными поделитесь. Когда беда одна на всех, то и богатство тоже. Я остаюсь, выпал мне счастливый случай: принести жизнь за землю Русскую, как Господь отдал Свою за грехи наши.

Как услышали женщины про решение матушки, еще больше в рев, да не все. Окружили ее и девушки, и инокини, и старицы со словами:

— И мы с тобой, мать Анастасия, и мы хотим пострадать за землю Русскую, дабы Господь простил грехи наши и ослобонил от ига татарского.

И вот увел дед Иван женщин и детей, заперли город наши агницы, вошли в храм Рождества Богородицы и ждут, в молитву погрузясь, часа смертного.

А татары тут как тут. И только начали ворота ломать да на стены лезть, как опустилась земля, образовался огромный котлован, и откуда ни возмись вода поднялась. Озеро стоит синее, гладкое, будто ни города, ни татар сроду не было...

Сказывают, как подошли татары к городу, так колокол сам зазвонил на всю округу, и теперь раз в году в этот день в озере колокол слышен. И еще толкуют, что этим же днем злой дух в озере просыпается: то водоворот устроит, то волну поднимет и утопить норовит. Да есть против него защита: кто позовет на помощь мать Анастасию, тот и жив останется».

— Дед Иван, — у Андрюши глазки загорелись от этой истории, — а откуда ты про это знаешь? Тот дед Иван, что увел женщин и детей, твой родственник был?

Дед Иван только посмеивается.

— Может, родственник, а может, я сам. Как хотите понимайте. Ведь я дедушка старинный — долго на свете живу.

А Андрею нейметя.

— А разве есть Бог, дедушка? Почему нам про это ничего неизвестно, а?

— Конечно есть, братец, — уверенно сказала Лена, — я теперь это точно знаю. Так хорошо с дедушкой,

как никогда в жизни. Дед Иван, а можно мы к тебе ходить будем, мы и помочь можем, уж большие ведь.

— Ах, ты, моя Боголюбица, — растрогался дед, — конечно, ходите, не жалко. Я много историй знаю, скучать не будете. А ты, маловвер, скоро сам увидишь, что Бог есть, попомни мое слово.

Однако засиделись, а ягодки вас там ждут-ждут.

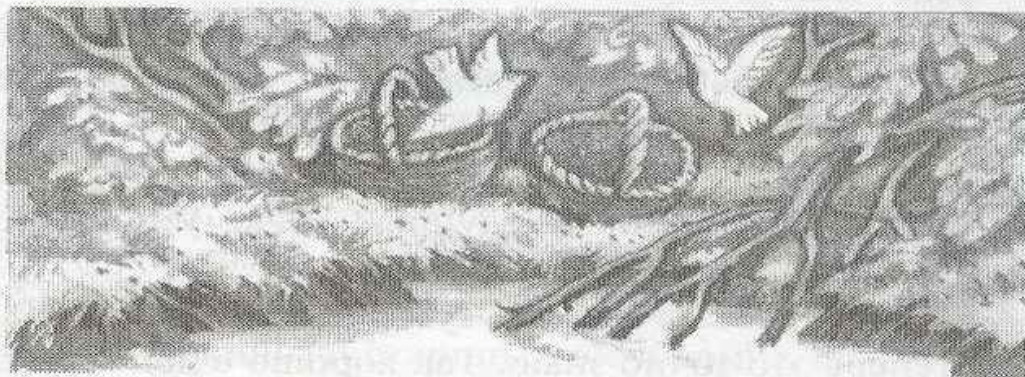
Побежали на полянку, где корзинки оставили. Вот те на! Поляна пустая, нет никого, а корзинки полные. У Андрея даже мороз по коже среди жаркого дня — так испугался.

— Кто это сделал, дед? — шепотом спрашивает.

А дед в ответ так беззаботно:

— Птички, отрок любезный. Птичек я попросил, чтобы вам подсобили, они мне и услужили. Вот их дома-то отблагодарите: хлебца беленького на огороде покрошите, пусть поклюют.

Когда к дому подходили, брат и сестра договорились маме ничего не рассказывать, все равно не поверит, и молчали до поры до времени.

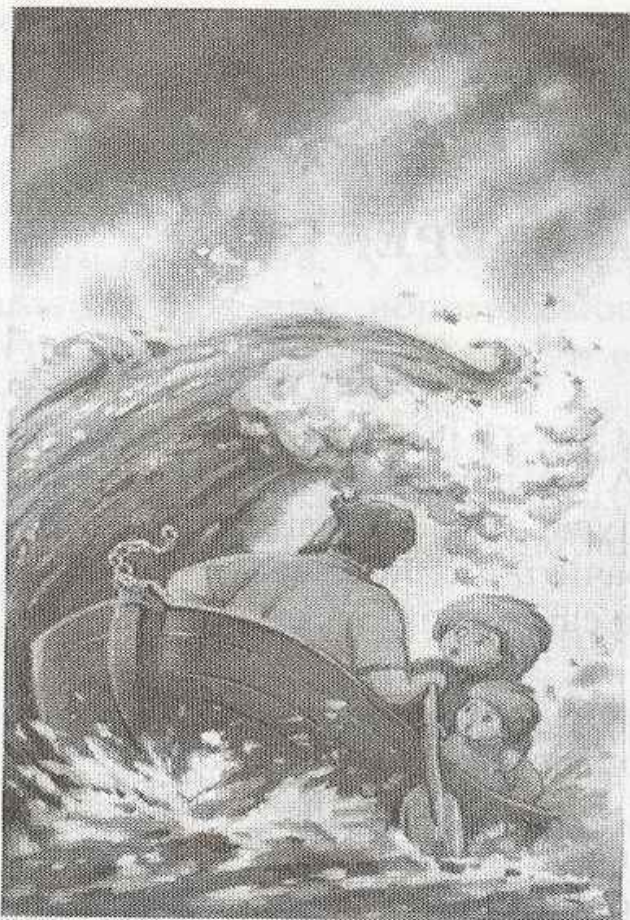
НА ОЗЕРЕ

Прошло два дня, и как-то не получилось у детей дедушку навестить. А тут вдруг папа приехал: неожиданно-негаданно отпуск дали. И решили назавтра лодку взять и порыбачить с папой. Мама им всего с собой наготовила, а сама дома осталась, прихворнула немного.

День был замечательный: небо синее-синее, ни облачка, озеро прозрачное, теплое, спокойное. Нашли безлюдное место: пляж песчаный, дальше луг цветущий, а за ним лес вековой темной стеной стоит. Птицы поют, бабочки разноцветные с цветка на цветок порхают, стрекозы синекрылые с глазами, как драгоценные камни, над водой носятся, а в прозрачной чистой воде стайки мальков играют. Рай, да и только!

Пока дети купались, плескались, в воде играли, папа отплыл подальше и рыбы наловил, и попалась ему хорошая рыба: и окунь крупный, и сазан, и лещ, и щука, и карась.

Лена принялась рыбу чистить, а папа с Андреем хвосту натаскали, костерок разожгли. И вот в котлах уже булькает, кипит: в одном — ушица, а в другом — чай.

Поели, прибрали за собой и стали думать: или в лес пойти, грибов поискать, или на лодке покататься – окрестными берегами полюбоваться. И тут Лена услышала: «Колокол звонит в озере, послушайте!» И, правда, тихо-тихо, но явно, как будто издали, с озера доносился колокольный звон.

– Ну вот, – засмеялся папа, – озеро нас зовет коло-

кольным звоном. Поплыли на лодке, может, остров обнаружим с затерянным монастырем.

– Что ты, папа, – испугался Андрюша, – злой дух нас потопить может.

– Что ты, чудик! Посмотри, какая погода! Ну можно ли бояться с папой? Быстро в лодку!

Озеро будто стало еще прозрачней, папа греб на середину. Вот уже далеко остались берега, звон становился громче.

– Стой, не гребь, папа! – закричал мальчик. – Посмотрите вниз!

Под ними глубоко-глубоко лежал деревянный город, огороженный частоколом. Все дома были целы, а посередине стоял храм с высокой колокольней. Это был Синь-город.

И дети, перебивая друг друга, начали захлеб рассказывать папе историю, поведенную дедом Иваном.

Неожиданно со дна взвихрилась муть, и город пропал. Лена первая подняла голову, увидела, как приближается к ним волна с большим водоворотом и вдруг воскликнула:

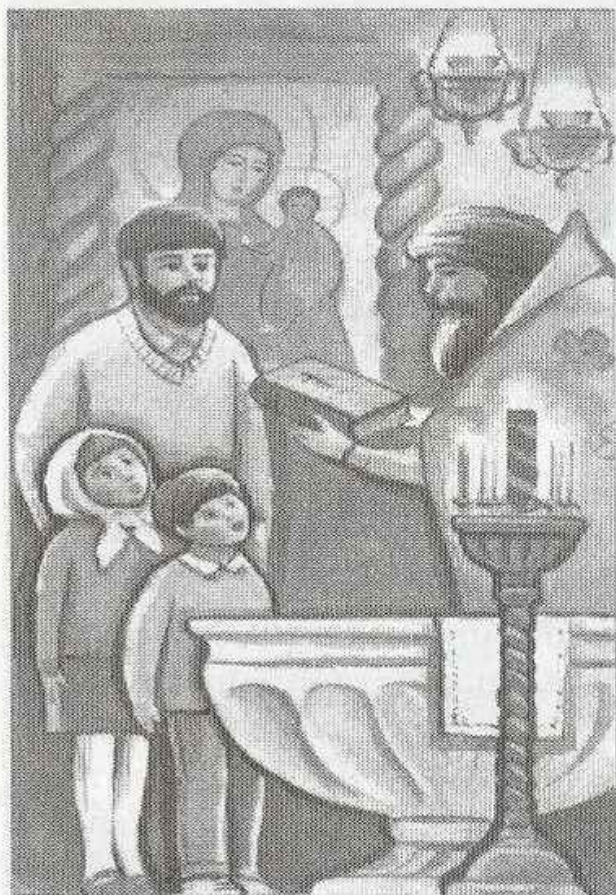
— Матушка Анастасия, спаси нас!

— Прыгай в воду, — послышалось ей.

Девочка прыгнула за борт и поплыла к берегу. Она успела заметить, что папу с Андреем накрыла волна. Волна побежала дальше, оставив позади себя водоворот, затянувший папу и Андрюшу.

В тот же миг девочка очутилась на знакомом пляже. Было тихо, лодка покачивалась рядом, а папы и брата нигде не было видно. Она упала на колени и, заливаясь слезами, первый раз в жизни начала молиться...

Андрея волокло вниз. Он из последних сил старался не дышать. На грудь страшно давило, и он понял, что умирает. В это мгновение над ним склонилась женщина в белом одеянии и в белой высокой шапке. Она закутала его во что-то белое, как в кокон, и повелела: «Дыши!» Мальчик вдохнул воздух и оказался на берегу. Откуда ни возьмись, рядом появился папа. А чуть поодаль, закрыв лицо руками, плакала и молилась безутешная сестра.

«Лена, мы здесь»,
— сказал папа.

И горе обернулось радостью, а слезы быстро высохли: все живы!

На следующий день папа, мама и дети сели в машину и отправилась в ближайший город. Там они нашли священника и все ему рассказали. Батюшка их выслушал и спросил:

— Верите ли вы в Бога?

Все дружно ответили:

— Да!

— Хотите креститься во Иисуса Христа, Сына Божия?

— С радостью! — ответил за всех папа.

Отец Анатолий побеседовал с ними, потом их окрестил и пригласил на литургию в ближайшее воскресенье. Счастливое семейство получило в подарок Библию и Закон Божий.

На обратном пути папа сиял и улыбался, мама с Андрюшей что-то пели на заднем сиденье. А Лена думала: «Почему так хорошо? Ведь мне так хорошо! Какое-то счастье, непонятно отчего».

Девочка вспомнила, что так же хорошо ей было у дедушки Ивана. Она представила деда с добрым лицом и улыбкой, словно отдельно порхающей около губ. Ей показалось, что дед ответил: «Это Дух Святой! Он с вами сейчас, потому и счастье. Самое великое счастье с Богом жить! Запомни это, Боголюбица наша, Елена».

ДЕД ИВАН ЛОВИТ РЫБУ

На следующий день ребяташки упросили папу пойти с ними навестить дедушку. Собрались после обеда. Пока дошли не спеша по сумрачному вековому лесу, день склонился к вечеру.

Дед Иван им обрадовался, однако был занят — разбирал сети.

— Да вот, детушки, да вот, Николушка, рыбу я ловить собрался, некогда вас и чаем попить. А пойдете-ка со мной, Николай поможет на веслах. — Согласны али как?

Папа с радостью согласился, он обожал рыбалку; а дети многозначительно переглянулись и поняли друг друга без слов. Ведь они никогда не говорили деду Ивану, как зовут их родителей.

По дороге ребята захлеб рассказывали дедушке о том, что с ними приключилось на озере и как их крестил отец Анатолий.

Дед остановился и торжественно перекрестился.

— Слава Тебе, Господи! Христовы вы теперь, и жизнь ваша другая будет, совсем другая.

Пока шли по деревне, к ним присоединялся народ: и взрослые, и ребяташки. Соседи оповещали

друг друга об этом событии и спешили за дедом. Андрей и Лена недоуменно переглядывались: они, видимо, чего-то такого не знали, что знала вся деревня.

Над озером стоял густой молочно-белый туман. Папа огорченно взглянул на деда.

– Куда ж выходить – заблудимся!

– Не бойся, Коля. В тумане хорошо рыбу ловить; а сельчане костерок разложат на берегу, его мы и сквозь туман углядим.

Бросили сети в лодку, папа сел на весла, а дед Иван впереди на носу что-то высматривал в ровной белой мгле, которая окутывала их со всех сторон.

И вот на фоне этой белизны где-то немного сбоку сгустилось еще более белое пятно, которое светило, приобретало на глазах очертание человеческой фигуры. Потом обрисовалась рука и вытянулась, как будто задавая направление лодке.

– Туда, Коля, туда! Матушка Анастасия пришла, где рыба указывает. Благодарю, матушка, благодарю от всей деревни! Всех рыбкой из твоего озера насытишь, всех порадуешь, Настасьюшка.

Белая фигура поплыла перед лодкой, а папа погреб за ней; не сказать, чтобы спокойно: страх и радость одновременно посетили его душу.

– Господи, помилуй, – непрестанно взывал он про себя и при этом с удивлением чувствовал, что молитва летела как птица.

Долго или нет он так греб, трудно сказать, но ему казалось, что время остановилось. Наконец белая фигура замерла на месте, папа положил весла в лод-

ку, и дед Иван забросил сети. А папа, замороженный этой светоносной фигурой, увидел, что свет меркнет, растворяется в тумане, а туман начинает редеть. Дедушка тронул его за плечо.

— Эй, Коля, очнись, давай сети тянуть.

И лодка стала наполняться скользким серебром. Папа только ахал: столько ее было — этой отборной, крупной рыбы, что лодка почти до краев погрузилась в воду.

Когда управились с рыбой, туман исчез, на ясном небе сияли крупные звезды и отражались в зеркальной глади черной воды. А где-то далеко-далеко их ждал и звал еле заметный костерок на берегу. Папа развернулся, и лодка поплыла на огонек.

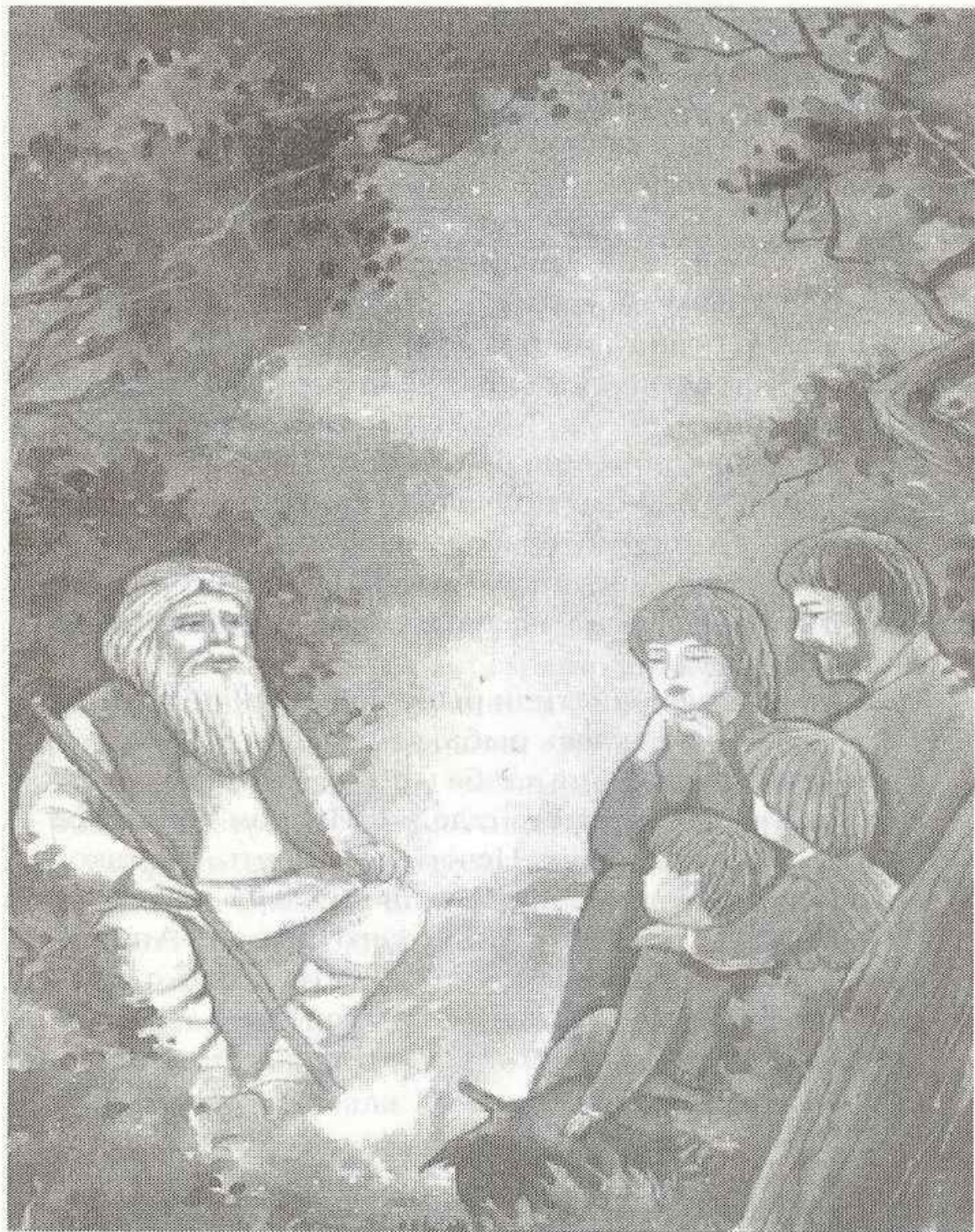
На берегу время тянулось долго. Мама охала и беспокоилась, что ничего не поймают, что рыбаки заблудятся в тумане и до утра не вернуться к ним. А горластая баба Нина успокаивала маму.

— Да что ты, Катя! Дед Иван-то заблудится? Да никогда он не заблудится! Колдун он, дед Иван. Боюсь я его до смерти и не люблю. Не пускай к нему детей, Катюша. Он хоть и ласковый, да мало ли что, колдун он ведь.

Тут уж возмутилась Лена и заступилась за деда, не оробела перед грозной старухой.

— Не колдун он никакой, дед Иван. Колдуны в Бога не верят, а дед Иван очень в Бога верит. Ему Бог помогает, баба Нина, и он хороший дедушка, не ругайте его!

Баба Нина хоть и поджала губы (ишь, эти городские дети, старухе перечить вздумали), но почему-то замолчала и задумалась.

Андрей вместе с соседским Сережей искал на берегу хворост и подкладывал в костер. А потом осмелился и спросил мальчика:

— Что это все тут собрались? Почему вся деревня вышла смотреть, как дед Иван рыбу ловит?

Сережа с удивлением посмотрел на приятеля:

— А, да ведь вы первый год у нас, ничего не знаете! Дед Иван много рыбы привезет и даром раздаст, вся деревня пировать будет.

Вскоре послышался плеск весел, и лодка ткнулась в прибрежный песок. Мужчины зашли в воду и с трудом вытащили ее на берег. Дед Иван самолично раздавал рыбу. Люди подходили степенно с кошелками и корзинками, благодарили деда и расходились по домам. Дедушка кликнул маму, выбрал несколько рыб, бросил на песок, велел почистить и запечь в углях.

Катя и Лена почистили рыбу и положили на горячие угли. Пока пеклась рыба, весь народ разошелся. Катя принесла из дома хлеба и соли, расстелила клеенку на травке, и вместе с дедом Иваном городское семейство село за ужин. Нечего и говорить, что такой вкусной рыбы они не пробовали ни разу в жизни.

— Дедушка, — ни с того, ни с сего спросил Андрюша, — а ты не знаешь случайно, что стало с теми людьми, которые ушли из Синь-города.

— Знаю, голубок, знаю. А вот послушайте, что дальше было.

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

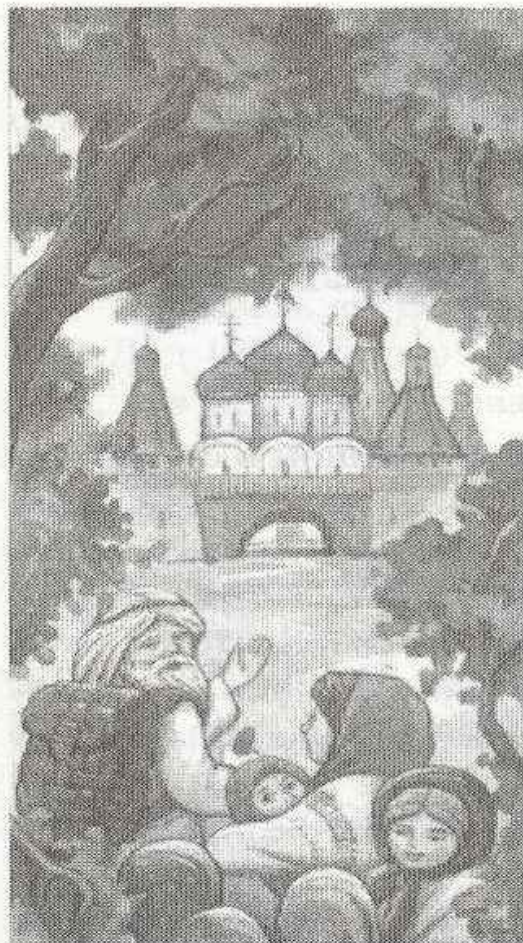
«Завел дед Иван сироток и женщин в страшную глухомань. Костер запалили, поужинали — и спать. Девушкам и молодкам велел дед сторожить спящих по очереди, а сам вернулся назад посмотреть, что с городом стало, да и ткнулся в озеро. Помолился дед о мученице Анастасии и иже с нею ради Христа пострадавших, а под утро вернулся и поведал обо всем. Поплакали горемычные вдовы, помолились и пошли дальше. Тянется по лесу цепочка: идут детки постарше, маленьких матери несут, старухи плетутся, опираясь на палки, а последней бредет родная сестра игуменьи Анастасии Марьюшка, держа за руки двух малолеток-погодок лет пяти-шести, Андрея да Елену.

Дед Иван подошел к Марьюшке.

— Вижу, занемогла ты, милая, дай-ка я тебя в деревню сведу, да у своих знаемых оставлю, а как поправишься, свезут тебя с детушками, куда скажешь.

Тихо прошептала Марьюшка, тихонечко, чтобы детушек не пугать:

— Не поправлюсь я, дедушка, больше не поправлюсь, сгорю скоро: нету жизни мне без Николушки

и Насти. Дойду с вами до монастыря тетки Варвары, отдам ей деток и наследство их и отойду спокойно. Игуменья Варвара детей вырастит, воспитает и на ноги поставит.

Хотел дед возразить, да взглянул на Марьюшку и понял: правду говорит вдова — не жилица она на этом свете...

На другой день к вечеру вышли из леса. Прямо перед ними, за речкой, за лугами высился Успенский монастырь, а невдалече стоял город.

Вот уж хлопот было матушке Варваре на первое время! Кого в монастыре оставила, а кого в городе разместила, кому работу нашла, а кто и на свои средства устроился безбедно.

Сорок дней служили панихиды по убиенным мужьям, сыновьям, братьям, дочерям и сестрам, и плач стоял в монастыре великий.

А между тем Марьюшка уже не поднималась с постели. Приняла она постриг и готовидаась отойти к Богу монахиней Серафимой.

Надо сказать, что муж ее, покойный Николушка, мастер знатный был, ювелир высокого искусства; и те кольца, серьги, броши, ожерелья, что собрала Марьюшка, уходя из города, богатство составили большое. Все это Серафима передала тетке своей, игуменье Варваре, чтобы сберегла для детей и поделила между ними, когда время придет, и свое кольцо обручальное туда же положила. Но еще было у Марьюшки сокровище, с которым она расстаться долго не могла. Когда Николай уходил с татарами сражаться, снял он с пальца кольцо обручальное, им самим сработанное, и велел жене, если не вернется, для сына сберечь. Золотое кольцо, лучшего червонного золота, а по краям с двух сторон вплавил мастер мелкие бриллианты и вывел сканью рисунок изумительной красоты. Не было другого такого кольца на нашей земле, и сколько не просили Николая, чтобы сделал он еще такое,

отказывался ювелир, и секрет этот с ним в могилу сошел».

Папа, услышав про кольцо, побледнел и прижал руку к груди. Он, было, хотел что-то сказать, да дедушка с увлечением рассказывал дальше.

«И носила Марьюшка кольцо на прочной цепочке рядом с крестиком, и казалось ей, что согревает ее колечко, и боль в сердце отпускает, как прижмет его крепче к груди. А прощаясь с детьми, надела цепочку с кольцом на шею Андрею и наказала, чтобы венчался этим кольцом с невестой своей и сыну передал, а тот своему – в память о незабвенном Николае прародителе, великом умельце, сложившем голову за землю Русскую.

Схоронили Серафиму в монастырской ограде, а дети выросли под присмотром Варвары, строгой, но любящей бабушки-тетки. Исполнилось Елене шестнадцать, а Андрей на год моложе был, и стала игуменья думать, куда их определить: Лена, тихая и молитвенная, и постриг примет – слова не скажет против, да ее ли это дорога, ведь красавица писанная и добра очень, хорошая жена из нее получится. А Андрея надо бы в ученики к ювелиру отдать, может, отцовский дар к нему отошел и большим мастером станет. Да ведь нет в нашем городе ювелира, а далеко посылать – мал еще.

Пока Варвара думала и молилась, ехал мимо монастыря князь с дружиной дань собирать и в монастырь заглянул. А был с ним в дружине юноша Сергей, и увидел он Елену прекрасную, и полюбил ее, и просил замуж за него пойти, и ответила Елена, что со-

гласна, только пусть у игуменьи благословенья просит. И вот князь у игуменьи для отрока своего руку Елены попросил, и матушка Варвара согласие дала. И сговорились венчать молодых, когда вернется дружина с данью через полгода.

А за это время большое несчастье землю нашу поразило, прошел по ней холерный мор, умерла игуменья и большая часть монахинь, а Елена и Андрей чудом живы остались. Ждала Елена жениха и молилась, чтобы живым вернулся, ведь никого у них с братом больше на свете не осталось.

И вернулась дружина, не коснулся ее мор. Повенчали Елену и Сергия, и уехали они далеко в город Н., где вотчина князя была, и пошел от них знаменитый род Колывановых, доблестных воинов и армейских командиров. Андрей же уехал с сестрой и выучился на ювелира. От него пошли Голубовы, мастера знаменитые, по всей России известные. Да вот в революцию сгинули и те, и другие, неизвестно куда делись».

— Ой, — закричал Андрей, — мы почти Голубовы, наша фамилия Голубовские, а папа тоже колечки и сережки любит после работы делать, правда, папа? Скажи, папа!

Николай поднял мокрое от слез лицо. Он полез за пазуху и вытащил золотое кольцо на крепкой цепочке. Его края с двух сторон были усеяны мелкими бриллиантами.

— Голубовы мы, дети! Когда началась революция, прадед ночью уехал с семьей, оставив дом, богатство; подальше уехал: видел, что за люди

власть захватили – знал, что пощады не будет... Фамилию сменил и всю жизнь сторожем работал, а детям и внукам тайно секреты мастерства передавал, так что мастерство свое сохранили. Только веру сохранить не сумели, да вот Господь помог – к Себе привел. А про истоки наши у Синь-озера и слыхом не слыхивали. Низкий тебе поклон, дедушка, что память народная, вековая хранит в тебе были древние.

– Как интересно, – тихо молвила мама, – так мы, Коля, с тобой родственники. Моя бабушка Кольванова. Всю ее родню расстреляли, а она в детдоме выросла и помнила только, что отец ее царским генералом был.

Дед Иван встал и отвесил всем низкий старинный поклон.

– Добро пожаловать на родину, детушки милые! Есть у меня для вас еще известие важное, да об этом в другой раз.

Дед Иван взял сеть, ведерко с рыбой и пошел в лес.

ТАЙНИК ИГУМЕНЬИ

На другой день пили чай у деда Ивана. Мама испекла расстегай с рыбой. Когда дедушка похвалил пирог, Катя даже покраснела от удовольствия. Любопытный Андрей ерзал на стуле, ни к чаю, ни к пирогу не притронулся, не мог дождаться, когда дед Иван еще что-нибудь расскажет.

— Да вот, родимые, что я вам скажу: потрудиться нам придется, поискать кое-что. Ведь матушка-то Варвара скоропостижно преставилась! Скрутила ее холера, когда игуменья за больными сестрами ухаживала. Она тут же без сознания упала и больше в себя не пришла. Где Варвара схоронила сиротское наследство, никто не знал, и впоследствии никто его не обнаружил. Так что там оно, детки, ваше наследство лежит и вас дожидается, и надо поехать его забрать.

Дети закричали, захлопали в ладоши; какая же интересная жизнь наступила после знакомства с дедом Иваном, а Николай подумал, не снится ли им все это? Ведь наяву о таких чудесах и о таких дедушках он и слыхом не слыхивал.

А между тем дед Иван продолжал:

— Монастырь Успенский недалече тут, за лесом

нашим, на машине часа за два доедем. От него, от монастыря-то, развалины одни остались, но Бог милостив, устроит, что краше прежнего станет.

На следующее утро дед Иван пришел к ним в страшную рань, а к монастырю подъезжали, еще роса на траве блестела.

Успенский монастырь представлял собой печальное зрелище: груды камней, развалины, на которых кое-где росли чахлые деревца. У Николая сжалось сердце. «Где же здесь искать и что вообще можно найти в этих руинах?» – тоскливо подумал он.

Дед Иван будто прочитал его мысли.

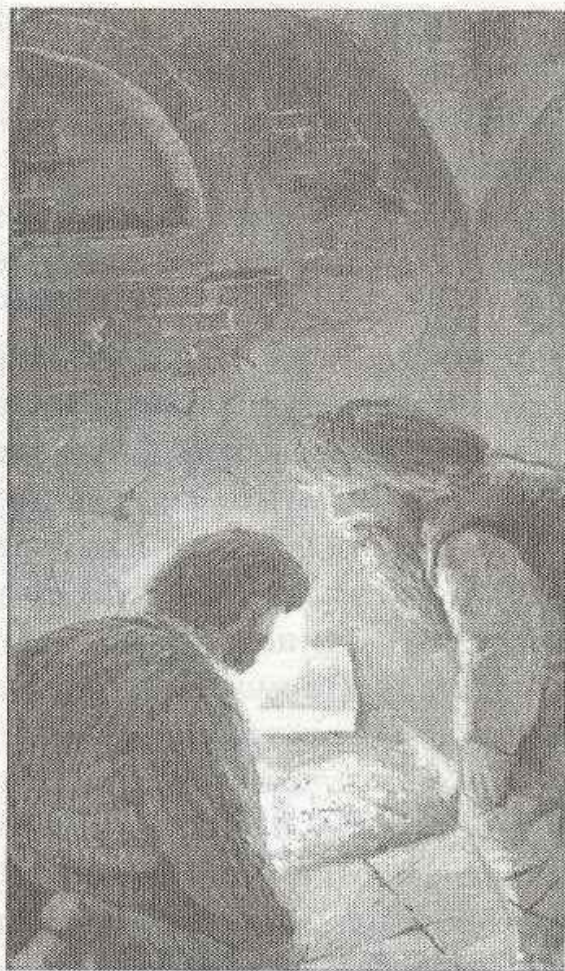
– А матушка Варвара на что? Думаешь, она не поможет, думаешь – у нее сердце не болит, что не сдержала обещания, данного Марьюшке? Думаешь, она не радуется, что наконец вы явились, долгожданные, чтобы взять свое и сделать, что надо? Молитесь, други, без молитвы добрых дел не бывает.

Дед Иван замолчал, погрузившись в молитву, и словно к чему-то прислушивался. Все тоже затихли и замерли в каком-то отрешенном покое. Повеял нежный ветерок и пропал. Вдруг Лена заметила, что на мокрой траве вдоль стены появляются следы, словно кто-то невидимый уходит от них по росе. Лена коснулась дедушки и прошептала: «Дед Иван, посмотри, там следы». Дедушка взглянул не на следы, а выше, и будто кого-то увидел. Он низко поклонился и молвил:

– Приветствую тебя, мать Варвара! Исполнил я твой наказ: стоят рядом со мной твои потомки, и Божья воля в том, чтобы получить им, что не сумела ты,

мать игуменья, отдать их прародителям. Да сбудется обещанное, веди нас, матушка!

И дедушка, а за ним и все, двинулись по следам. Следы оборвались возле углубления в земле, в котором виднелась проржавевшая железная дверь. Папа сходил за лопатой, и часа через два дверь была откопана и, как ни странно, она оказалась незапертой. Дед велел маме и детям подождать наверху, а сам вместе с папой спустился в подвал, вынул из сумки толстую све-

чу и зажег ее. Земляной пол был покрыт густым слоем пыли, на которой отпечатались следы, ведущие вглубь подвала. И снова дед Иван и Николай шли по следам матери Варвары. Они вошли в пролом в стене и очутились в просторной пустой комнате. Дед поднял свечу – в стене напротив пролома виднелось полуовальное окно, заложенное кирпичами. «Это келья игуменьи. В те времена окно было выше человеческого роста», – шепнул он Николаю.

Дед опустил свечу и осмотрел пол. Следов больше не было, а вот под окном кто-то смел пыль так, что образовался аккуратный квадрат. Дед Иван взял лопату и начал рыть землю на этом месте, Николай помогал. Вырыв яму примерно в метр глубиной, они уткнулись в каменную плиту. Под ней оказался тайник Варвары. В затхлом, душном подвале повеяло свежим ветерком с запахом полевых цветов. Дед низко кланялся и благодарил Господа, а Николай упал на колени, заплакал и попросил мать Варвару быть небесной покровительницей и заступницей его семьи. Ему показалось, что запах цветов сгустился и окутал его со всех сторон, и пришлося Николаю, что он на лугу возле речки, а на том берегу стоит молодая женщина в белых одеждах под золотым покрывалом. Ее лицо отдаленно напоминало Катину, она протягивала к нему руки с такой невыразимой любовью, что Коля впал в состояние блаженства и замер в нем. И тут папа услышал голос деда Ивана: «Очнись, Николай, нас ждут».

В тайнике среди трухи истлевшего мешочка лежали изумительной красоты ювелирные изделия и среди них обручальное кольцо Марьюшки, свитое в диковинное плетенье из тончайших золотых проволок. Рядом с ними находился пергамент с едва заметными буквами.

Когда вылезли на свет Божий, первым делом Николай надел на палец Кати обручальное кольцо Марьюшки, и оно пришлось ей впору. Потом дед Иван стал читать пергамент и переводить с кириллицы

на русский язык. Это был перечень украшений, и все они оказались в целостности и сохранности. А в конце было написано: «Сии изделия изготовлены мастером Николаем из Синь-города и являются собственностью его детей Елены и Андрея. Игуменья монастыря Успения Пресвятой Богородицы, раба Божия, многогрешная Варвара».

Николай бережно убрал завещание и со знанием дела начал рассматривать изделия далекого предка. В это время раздался шум мотора, и к ним подъехала машина, из которой вышли три молодые монахини. Увидев людей, девушки подошли к ним.

– Здравствуйте, – приветствовала их молодая женщина лет тридцати. – Вот уж не думала, что встречу кого-то на наших развалинах. Давайте познакомимся. Меня зовут Варя, я игуменья этого монастыря. Только как его восстановить, где денег взять, ума не приложу!

И она грустно покачала головой, глядя на древние камни. Вдруг Николая озарило. Он открыл сумку и наугад вынул оттуда горсть драгоценностей. Поклонившись игуменье, он отдал их пораженной женщине.

– Возьмите, матушка. На это вы и монастырь возродите, и сыты будете.

Монахиня испугалась.

– Да откуда это у вас? Это же большая ценность! Честным ли путем к вам попало?

– И-и-и, матушка, не волнуйся, – вступил в разговор дед Иван, – сейчас мы вам эту историю поведаем, и увидишь, что все по-Божьему вышло...

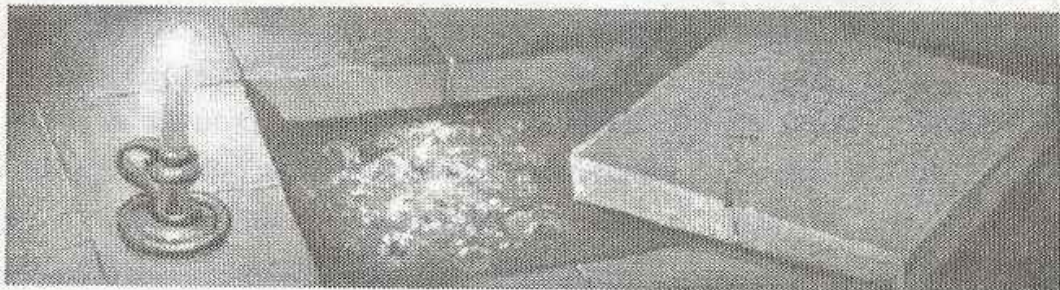
На обратном пути папа не спеша вел машину по лесной дороге. В вечернем лесу стояла тишина. Лес засыпал вместе с птицами, ягодами и цветами. Дремали уставшие Катя, Лена и бабушка, и только Андрияша о чем-то упорно думал, а потом шепотом спросил отца:

— Папа, а что ты с остальными вещицами сделаешь?

— Продам, сыночек, в музей и на эти деньги открою ювелирную мастерскую. Буду возрождать дело Голубовых, и фамилию нашу старую возьмем.

— Правильно, папа, так и сделаем, а я, когда вырасту, тоже тебе помогу. Обязательно стану ювелиром, как тот Андрей из Синь-города и как ты, папа.

Они снова замолчали. Мальчик успокоился и тоже заснул под тихое урчанье мотора.

СИНЕОЗЕРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Через несколько дней случилось событие, переполошившее всю деревню. На площади около сельсовета остановилась машина с монахинями: они искали каких-то городских дачников, а поскольку в этой глухомани их было раз-два и обчелся, то деревенские быстро поняли, кто им нужен. И вскоре Голубовы принимали гостей – игуменью Варю и сестер из ее обители. Как-то вдруг, случайно подошел и дедушка, и, надо сказать, кстати: разговор шел серьезный.

Матушка Варвара попросила Николая возглавить восстановление монастыря. Нужна была и мамина помощь, ведь по профессии Катя была архитектором, и талантливым, но родились дети, и пришлось оставить работу.

Игуменья рассказала, что не просто так приехали они сюда. Много молились сестры Богу и Пресвятой Богородице, просили о помощи. Ну посудите сами, три молоденькие монахини посланы в маленький городок в бывший Успенский монастырь. Городишко нищий, специалистов нет, никто из сестер не понима-

ет ни в строительстве, ни в архитектуре, а монастырь восстанавливать надо. Было отчего лить слезы, но сестры знали, что Господь милостив и не оставит их. И вот встреча на развалинах монастыря – появились средства для восстановления. А что дальше? Кто будет это делать? День и ночь стояли на молитве монахини, и Господь открыл – Николай Голубов сможет восстановить монастырь, это ему по плечу.

Папа растерялся, ведь планы были другие – он решил заняться ювелирным делом, но есть ли на то Божия воля?..

– Тебе, Николушка, тебе за это браться, а кому еще-то? И Катюша подсобит. А мать Варвара, а мать Анастасия, они-то как порадуются на небесах и молить Бога будут. Легко ли им видеть монастырь свой в развалинах? Сколько веков простоял, сколько помощи от него людям было! Надо вернуть все это, Коля, нужен Божий дом в наших краях. Видишь, вот какие молоденькие молитвенницы приехали, сразу видать, городские, а не по-

боялись, потому как Божия воля на это, Коля, Божия воля.

Так говорил дед Иван, легко, весело, будто все это проще простого, а улыбка его непонятная, но неотразимая улыбка, так и играла в усах и бороде.

Папа попросил несколько дней, чтобы все обдумать, и пока он думал и решал, и ездил к монахиням, и брал с собой маму, дети проводили время в лесу с дедушкой. Ходили по лесу, собирали бруснику, малину, грибы. Для деда лес был родным домом. Однажды он вывел их на перекресток дорог и сказал:

— Вот по этой дороге, детушки милые, не ходите. Там болота, гиблое место, и дух нечистый, что там обитает, так и норовит в трясиину заманить и погубить. Не ходите, детушки, туда, не надо.

Ох, Андрюша, Андрюша, любопытный мальчик! С тех пор он только и думал об этом болоте, хоть бы одним глазком взглянуть на него.

И вот что случилось. Через несколько дней брат и сестра, уже без дедушки, гуляя в лесу, очутились на этом перекрестке и, не раздумывая ни минуты, Андрей бегом припустил по дороге, которая вела на болота. Словно какая-то сила подхватила его и понесла. Напрасно кричала Лена, чтобы он остановился. Брат словно не слышал и бежал еще быстрее. Тогда Лена бросилась за ним. Так они бежали по угрюмому ельнику, а в лесу стояла тишина, словно он замер от ужаса: что теперь будет?

Миновав ельник, мальчик увидел болото: оно было совсем обыкновенное: кое-где кочки с чахлыми кус-

тиками, а все остальное покрыто мелкой зеленой травкой, ряской да камышом. Мог ли знать городской мальчик, что под этой с виду привлекательной травкой или безобидной ряской скрывается страшная трясина. Андрей замедлил свой бег, цель близка, никакая Ленка его теперь не остановит. И в это самое время с дерева, которое росло рядом с дорогой, неподалеку от края болота, а этот край был весь в мелкой зеленой травке, так вот с этого дерева с пронзительным писком упал птенец. Летать он еще не умел и, в ужасе взглянув на Андрея и запищав еще громче, кинулся от него в болото и беспомощно забарахтался там. У мальчика сердце зашлось от жалости, и он, не раздумывая, бросился за птенцом в болото. Птенец испугался еще больше, не давался ему в руки и норовил спастись от Андрюши вглубь трясины, а Андрей гнался за ним.

Эта картина предстала перед глазами сестры, когда она догнала брата. Лену охватил такой страх, она так громко закричала, что птенчик и Андрей замерли. Мальчик воспользовался моментом, сумел схватить несмышленища и выбросил его на берег. Птенец тут же шмыгнул в ближайший куст и был таков.

Андрей хотел шагнуть на берег, но не смог даже шевельнуть ногой, трясина поймала его и держала крепко. Андрюша испугался, забарахтался и увяз еще больше.

– Лена, помоги, тону! – крикнул он сестре.

И Лена, не подумав, растерявшись, в испуге за брата тоже шагнула в болото, сделала несколько ша-

гов и провалилась, увязла, как и он. Она протянула брату руку, схватила его, замерла на мгновение и изо всех сил, как могла громко, крикнула на все болото: «Господи, спаси нас, мы тонем!»

Этот крик словно разбудил гиблое место, поднялись болотные птицы, захлопали крыльями, закричали, носились над болотом и лесом. Стрижи почиракали над детьми и помчались к деду Ивану. Дедушка полел огород, когда стриж сел ему на голову и что-то взволнованно рассказал на птичьем языке. Дед Иван тотчас вскочил и поспешил к болоту. Он шел и что-то шептал, что-то бормотал, о чем-то просил, не останавливаясь ни на минуту.

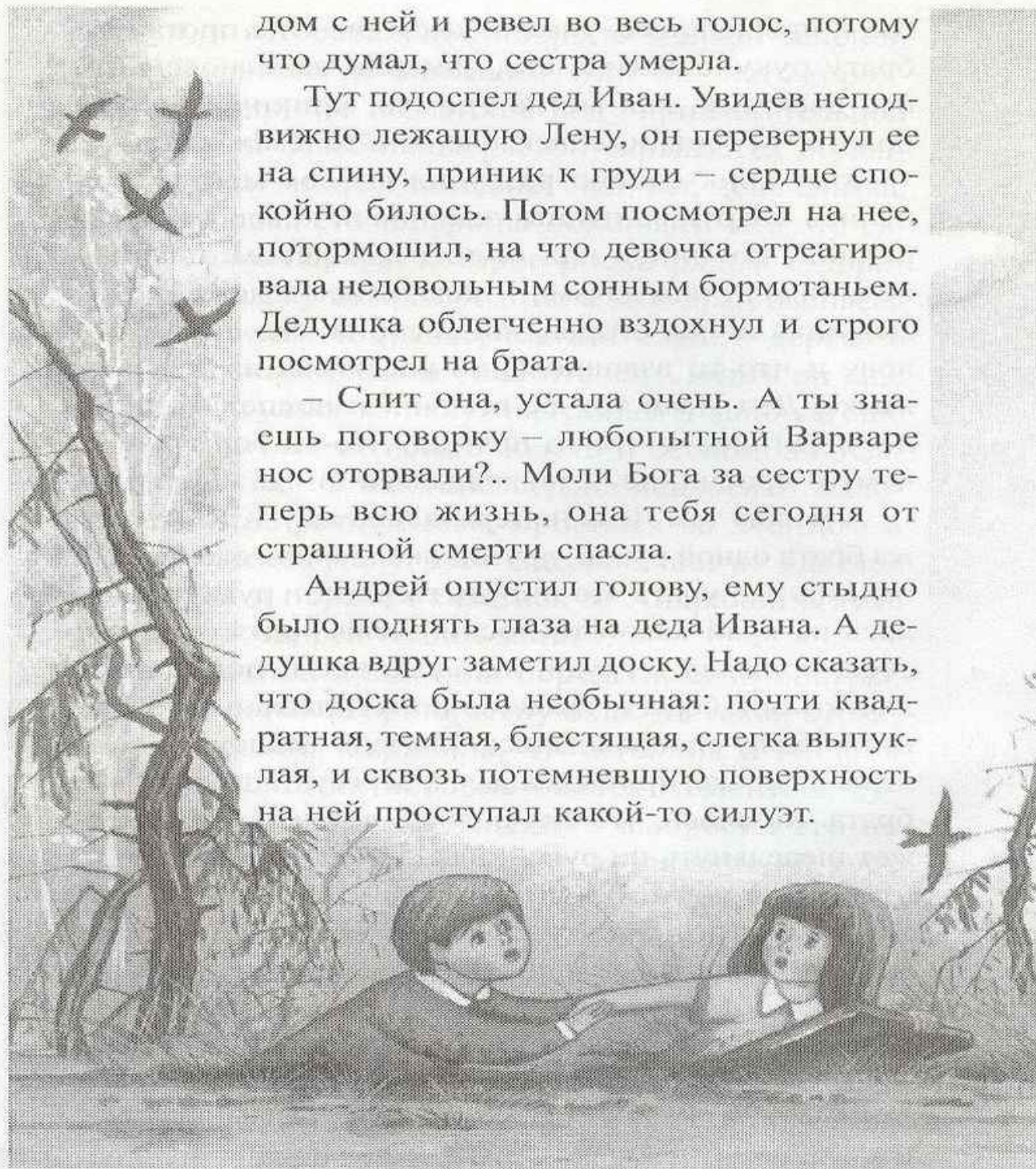
А между тем Лена не теряла надежду. Крепко держа брата одной рукой, другой она шарила около себя, надеясь нащупать что-нибудь твердое, и рука наткнулась на край какой-то доски. Лена подтянула ее к себе, прижала к груди, легла на нее и попыталась двигаться к берегу. Увязшие ноги потихоньку, очень потихоньку освобождались. И очень медленно Лена, лежа на доске, приближалась к берегу, таща за собой брата. Казалось, что сил больше нет, что она не может шевельнуть ни рукой, ни ногой, и когда девочка пребывала почти без сознания, ей мерещилось, что доска сама потихоньку плывет к берегу и тащит их за собой. Она снова приходила в себя и преодолевала трясины. Сколько времени это продолжалось, Лена не знала, но ей казалось, что этому нет конца. И все-таки, выбравшись на берег и сразу провалившись в сон-беспамятство от нечеловеческой усталости, она и тогда не выпустила руку брата, который сидел ря-

дом с ней и ревел во весь голос, потому что думал, что сестра умерла.

Тут подоспел дед Иван. Увидев неподвижно лежащую Лену, он перевернул ее на спину, приник к груди – сердце спокойно билось. Потом посмотрел на нее, потормошил, на что девочка отреагировала недовольным сонным бормотаньем. Дедушка облегченно вздохнул и строго посмотрел на брата.

– Спит она, устала очень. А ты знаешь поговорку – любопытной Варваре нос оторвали?.. Моли Бога за сестру теперь всю жизнь, она тебя сегодня от страшной смерти спасла.

Андрей опустил голову, ему стыдно было поднять глаза на деда Ивана. А дедушка вдруг заметил доску. Надо сказать, что доска была необычная: почти квадратная, темная, блестящая, слегка выпуклая, и сквозь потемневшую поверхность на ней проступал какой-то силуэт.

Дед Иван тихо охнул, поднял доску, при-
слонил к кусту и встал на колени перед ней.
Он крестился, кланялся, благодарил, пла-
кал и молился, казалось, забыв обо всем
на свете.

Проснулась Лена, потерла глаза, пыта-
ясь понять, где она и почему, все вспомни-
ла и крепко обняла брата. Потом опусти-
лась на колени рядом с дедом, Андрей тоже,
подражая сестре. А молитва деда, его бла-
годарение и славословие лились в небо. Он
воздел руки, и детям казалось, что сияние
исходит от его лица. Им было хорошо и не-
много страшно...

Наконец дед встал, взял доску и сказал:

— Это икона, детушки мои, явленная ико-
на, и она спасла вас. Ведь из этого страш-
ного места еще ни одно существо живым
не вышло, сколько я на свете живу, а живу
я долго. Скорее пойдете отсюда, и не надо
вам здесь быть больше никогда!

Когда пришли в избушку, первым делом дед стал кормить ребят. Дал им кашу с молоком, огурцов с хлебом и солью, и пока они все это уплетали, занялся другим делом.

Он достал из чулана бутылку с какой-то жидкостью, налил ее в жестянку из-под консервов, оторвал кусок чистой тряпки, мокнул в эту жидкость и, перекрестившись, стал осторожно протирать икону.

Дети так проголодались, что словно ослепли и оглохли, не замечая ничего, кроме еды, которую поставил им дед Иван.

— А ну, посмотрите сюда, — сказал дедушка каким-то странным взволнованным голосом. Брат и сестра повернули головы и замерли восхищенные. На них с доски, которая прежде была такой темной, смотрела Божия Матерь с Младенцем на руках. Икона блистала яркими красками. Пресвятая Дева в фиолетово-сиреневом с золотом одеянии смотрела детям в глаза с любовью и нежностью.

— Одигитрия, путеводительница, — пояснил дед Иван, пребывая в каком-то небывалом восторге. — Теперь и в наших краях Заступница Усердная явила нам Свою милость через ваше спасение, детушки. Нынче и у нас будет Синеозерская икона Божией Матери. Если соизволит Пречистая оставить ее у деда Ивана, пока ваш папа храм монастырский не воздвигнет, осчастливит меня и мою убогую келью.

Странно, но и Лене, и Андрею показалось, что Богородица на иконе улыбнулась, и они в один голос закричали: «Соизволит, дедушка, соизволит, мы видели, Она улыбается!»

ИКОНОПИСЕЦ ИЛЬЯ

Прошло несколько дней, и у Голубовых неожиданно-негаданно появились старые друзья: художник Илья с женой Ольгой. Пришли они поздно вечером, когда Катя укладывала детей спать. Андрей, услышав знакомые голоса, вскочил с постели и побежал здороваться с любимым дядей Илюшей. Однако мальчик заметил, что дядя Илья был какой-то странный, как в воду опущенный, словно у него что-то случилось. Он не стал возиться с Андрюшей, как обычно, лишь слабо улыбнулся мальчику, слегка погладил какой-то безжизненной рукой и отвернулся, а ведь Андрюша был его любимцем. Своих детей у Ольги и Ильи не было, и всю нерастраченную любовь они отдавали детям Голубовых.

Поведение Ильи так встревожило Андрюшу, что он не смог заснуть. Надо сказать, что Лена спала уже давно, она не слышала, как приехали гости. Девочке сейчас приходилось нелегко, она старалась, как можно больше делать по дому и в огороде, чтобы дать возможность маме работать над проектом монастыря.

Андрей же крутился в постели и слушал, как папа и мама захлеб, перебивая друг друга, рассказывали обо всем, что приключилось с ними этим летом. И

вдруг Катя заметила, что Илья и Ольга так подавлены, что с трудом слушают и плохо понимают, о чем говорят их друзья. Тогда мама решительно перебила папу и попросила гостей немедленно рассказать, что с ними стряслось. Илья тут же начал говорить, будто не в силах был больше молчать.

– Прости, Коля, но с этим мы к вам и приехали, нам нужна помощь, положение мое отчаянное. Может быть, вы кого-нибудь знаете, кто мне сможет помочь. Может тут, в глухомани, бабка есть или дед, которые вылечат мои руки. Врачи от меня отказались, и молитвы мои не слышит Господь.

Илья показал руки – кисти рук висели, как тряпочные, в них не было никакой силы, пальцы едва держали чайную ложку. Николай и Катя охнули. Ведь понятно, что такое для художника руки!

У Андрюши пропали последние остатки сна. Он встал, приоткрыл дверь, чтобы лучше слышать и видеть. Все внимание взрослых было сосредоточено на художнике, и никто его не заметил. Илья между тем продолжал свой рассказ.

– Вы знаете, что я давно не пишу картины, и на ваши вопросы – почему? – я не говорил правды. Дело в том, что я учился иконописи, но вы не верили в Бога и не поняли бы меня. Как может неверующий человек понять, что известный художник, несмотря на славу и многочисленные заказы, оставляет все и начинает осваивать новое ремесло. Но, как бы то ни было, я овладел техникой иконописи, и получил заказ написать икону Божией Матери. Если бы вы знали, как я молился и постился,

с каким трепетом писал, и когда закончил, был доволен своей работой. Красоты несказанной получились лики Пресвятой Девы и Младенца, сияли краски, горело золото. Как хотелось мне оставить себе эту икону: молитва сама лилась из сердца, когда я смотрел на нее. Но долг превыше чувства. Я взял икону и отнес в храм. Настоятеля не было, а староста Нина Дмитриевна, равнодушно взглянула на икону, поставила ее на окошко, сказав, что завтра покажет настоятелю, и выдала мне так мало денег, что я больше на краски истратил. Этого испытания, друзья, я не выдержал, слаб был духовно, выбежал из храма, как кипятком ошпаренный, кипела во мне злоба и вырвалась ужасными словами: «Пусть руки у меня отсохнут, если напишу еще хоть одну икону!..»

На следующий день позвонил настоятель отец Александр: он восхищался моей работой и просил прощения за Нину Дмитриевну, ведь она женщина простая, неученая и не знает, сколько надо заплатить за такой прекрасный образ. Мы договорились встретиться на следующий день. Представляете, отец Александр попросил меня, начинающего иконописца, написать иконостас! Мое отчаяние сменилось ликованием, я не знал, как дожить до завтрашнего дня, мысли мои были заняты иконостасом. С этим я лег спать, долго ворочался, наконец уснул и приснился мне сон: склонился надо мной человек с таким злым лицом, что я испугался. Он улыбнулся, и мне стало так холодно, будто кровь заледенела в жилах. Он коснулся моих рук и исчез. Я заорал от боли и про-

снулся. Увы, мои руки стали как ватные, они не слушались меня. Я бросился к отцу Александру, каялся и плакал. Отец Александр, добрый батюшка, он отпустил мне грех, наложил епитимью, велел месяц усиленно молиться и соблюдать строгий пост и сказал, что месяц подождет, а больше не может – если не вылечусь, ему придется искать другого иконописца. Вот уже два месяца, как я хожу по врачам, монастырям, старцам, и никто не может помочь мне. Иконостас пишет мой учитель. А на днях Оля сказала: «Поедем к Кате и Коле на Синь-озеро, мне кажется, нам стоит туда поехать». Мне терять уже нечего, и в тот же день мы отправились в путь-дорогу. Простите, друзья, я понимаю, что мы не вовремя, что вам не до нас. Мы завтра же уезжаем, не хочу быть вам обузой, ведь я ни на что не го-жусь.

Так закончил Илья свой скорбный рассказ. Катя давно уже потихоньку плакала, слушая Илюшу, а Николай возмутился и громко сказал:

– Ты с ума сошел, Илюша. Никуда вы не уедете! Завтра же отправимся к матушкам из Успенского монастыря, знаешь, какие они молитвенницы! А еще местные святые, Анастасия и Варвара, наши с Катей прародительницы, и им помолимся. А про знахарей забудь, от тебя ли слышу? Ведь ты давно церковный человек, или не знаешь, что они тело лечат, а душу калечат!

– Да отчаялся я, Коля, уж не знаю, что и делать...

Решили завтра ехать к монахиням и пошли спать, время было позднее. Гостям постелили на террасе.

Только ушли родители, пожелав друзьям спокойной ночи, Андрюша тут же юркнул на террасу и крепко обнял Илью. Сбиваясь и волнуясь, он рассказал, как они с Леной чуть не погибли на болоте, как спасла их Богородица своей иконой; и что надо идти к деду Ивану, там Божия Матерь поможет дяде Илье. Илья и Ольга встрепенулись.

— Идите, мальчики, — сказала Оля, — только спозаранку. Я разбужу вас часов в пять, чтобы вернулись к завтраку. А я останусь Кате помочь, они с Леной совсем замученные. Катя корпит над проектом, а хозяйство на Лене. Мыслимое ли дело, ведь Ленка — ребенок. Мы останемся с ними, Илюша, я здесь очень нужна, надеюсь, что и ты пригодишься. А теперь быстро спать...

Дед Иван копался на огороде и засиял всеми морщинками, увидев ранних гостей. Они сели на бревнышке во дворе. Илья показал деду руки и поведал обо всем, что с ним случилось. Дедушка молча выслушал, взял больного за руку и повел в избу. Он открыл дверь и, не переступая порога, молвил:

— Милости просим, родимый, тяжки грехи наши, да велика Божия милость. Иди к Матушке, побудь с Ней, сколько надо, а мы с Андрюшей тут посидим, на воздухах.

Только закрылась дверь за художником, дед Иван забыл про воздуха и погрузился в молитву, да и Андрюша, как мог, изо всех своих детских силенок молился о любимом Илье, да в нетерпении поглядывал на дверь. Ждать пришлось долго. Наконец показался Илья. Андрей сразу впился глазами в

руки, но они вроде оставались теми же. Тогда расстроенный мальчик, стараясь не плакать, задрал голову вверх и увидел прежнего Илью – ласкового, спокойного, но чем-то смущенного.

– Дедушка, – неуверенно попросил он, – мне надо руки вымыть. Нет ли у тебя святой воды?

– А как же, мил человек, как же! Туточки, недалеко источник Господь послал, чтобы было напиться и омыться тем, кто к Матушке притечет, – приговаривал дед Иван, а сам быстро шагал в лес, а за ним поспешали Илья с Андреем.

Из-под корней старой рухнувшей березы вытекал ключ. Он уже заполнил яму под корнями, образовав небольшой, но достаточно глубокий водоем, а из него убегал в лес маленький ручеек, петляя среди корней и кустарника.

– Святое место, детушки. Часовню ставить надо. Слава Богу, слава Богу, щедр Он к нам, грешникам. Омой руки, Илюшенька родимый, опусти ручки-то в водоем, опускай, не бойся.

Илья встал на колени, опустил руки в прозрачную воду и вдруг заплакал, как ребенок. Его слезы падали на водную гладь, а он причитал и просил прощения, словно дитя, сильно провинившееся перед родителями. И, омываясь слезами и что-то сбивчиво говоря, он не замечал, как в воде шевелятся его пальцы и движутся кисти рук. Первым это увидел Андрей и возвестил громким детским криком и прыжками. Иконописец вздрогнул, очнулся, вынул из воды руки и осенил себя крестным знаменем...

– А теперь за работу, – радостно и спокойно сказал Илья, поднявшись с земли, – я, дедушка, обещаю Божией Матери, если рука сможет кисть держать, весь Успенский монастырь расписать и иконы написать, и все безвозмездно. Теперь обет свой, слава Богу, могу исполнить. А часовню здесь поставим, и первой моей работой будет список с Синеозерской иконы Божией Матери, чтобы всегда в часовне висела.

Дед Иван с восторгом смотрел на Илью и восхищенно качал головой.

– Великие дела творит Господь в нашей глуши и работников Сам посылает.

(Продолжение следует.)

